

The image is a vertical composition. The top half shows a close-up of a brick building's exterior with a white air conditioning unit mounted on a balcony. The bottom half shows a wider view of a balcony with a decorative metal railing, a paved walkway, and a large, leafy tree in the background. A semi-transparent olive-green rectangle is overlaid on the top half, containing the title and author's name in orange text.

Евгений Баковкин

Тихая жизнь на улице Пирогова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Валерьевич Баковкин

Тихая жизнь на улице Пирогова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55303612

SelfPub; 2020

Аннотация

В жизни всегда есть место подвигу, но так ли это привлекательно, как кажется на первый взгляд? Ты постигаешь истину и одновременно спасаешь мир, но от кого и от чего? Может быть, от себя самого? У каждого есть право на выбор, ведь без этого всё происходящее не интересно создателю, но как выбрать правильный путь? А если большая часть дороги уже пройдена? И все кругом что-то знают, подозревают, шепчутся за твоей спиной, когда ты идешь по улице с гитарным чехлом за спиной, в котором спрятан обоюдоострый меч... Молиться за право пережить следующий день, сражаться до последнего, использовать право на выбор! Содержит нецензурную брань.

Почти всю свою сознательную жизнь я живу на улице Пи-рогова, если не считать короткого периода в четыре года, ко-гда я пытался покинуть это место. Но не получилось. И я просто поселился в соседнем доме и даже в ближнем подь-езде от того, где жил раньше. Мне кажется, что всю жизнь до самой смерти мне и суждено провести на этой улочке. Люди меняют работу, квартиры, города и даже страны, ищут, где лучше, просто путешествуют или ездят куда-либо в отпуска, я же прикован к этой улочке и никак не могу её покинуть! Не скажу, что она мне надоела или я её ненавижу. Я люблю её всем сердцем, мне знакома каждая царапина на стенах до-мов, каждая трещина в асфальте. Я оплакивал каждое спи-ленное старое дерево и радовался вновь посаженным моло-дым, я смотрел, как они выросли и становились высокими и сильными, а с ними вырослел и я, становился сильнее, муд-рее, опытнее, несчастнее...

Я много раз умирал и воскресал на этой улице и когда-ни-будь умру здесь уже окончательно, и благодарные соседи, которым я так надоел своими выходками, понесут меня на руках до ближайшего мусорного бака, потому как там мое-му телу будет самое место. Хотя, шучу, кому же нужен труп в мусорке во дворе?! Кремируют меня по тихой грусти да еще помолются, чтобы подобных жильцов никогда больше не знать и не видеть на нашей спокойной улице.

Я выхожу из подъезда и, огибая дом, попадаю на свою зна-менитую улицу. У меня кончился хлеб, и, как 25 лет назад,

я иду в пекарню купить свежую горячую булку. Проходя мимо соседнего дома, я внимательно читаю надписи на его стене. Какие-то из них процарапаны чем-то острым, какие-то сделаны просто мелом. Их не так много, но это истории, в них – судьбы людей, события, пророчества. Я помню их наизусть, но всё равно каждый раз смотрю. Иногда попадают послания, адресованные мне, причем они были написаны еще более 30 лет назад, но вот только недавно они стали мне понятны. Кто-то же видел тогда меня в дурацкой кроличьей облезлой шапке и клетчатом ужасном пальто, отличника-задрота, далекого от всего, кроме книжек про путешествия и приключения, и думал: «Через 30 лет на тебя снизойдет великое озарение, и надпись «Все – дураки, но не мы» поднимет тебя к новым горизонтам и приблизит как никогда к истине!»

Читаю следующую надпись: «Андрей М. – голубой». Андрей М. – это Андрей Морозов. Мы жили в одном подъезде, он на первом этаже, а я – над ним, на третьем. Он был на пару лет меня старше, рос с матерью, без отца. Невысокого роста, коренастый, он рано начал курить, и характер у него был скверный, а еще он постоянно всех костерил за глаза, за что и получал частенько. Он любил технику и мог бесконечно ковыряться в гараже с мопедом, на нем его и сбил грузовик году в 93-м. И «голубым» он точно не был.

Мой взгляд падает на выцарапанный на стене номер сотового телефона. Это просто номер, просто 11 цифр: 89039...

и так далее, причем ничего более. Ни имени, ни фамилии-прозвища, ни малейшей информации о владельце. Эта надпись появилась в начале 2003 года, и, мне кажется, что тогда просто стала лавинообразно распространяться у нас в городе сотовая связь, и некий счастливый обладатель первого в своей жизни мобильного телефона и сим-карты от радости написал свой номер на стене, дескать, звоните мне люди, я открыт для связи, я жажду общения. Уже потом, через несколько лет, у нас на стенах стали появляться номера телефонов с припиской типа миксы, соли и прочая наркотическая дрянь. Но эта надпись была еще до этого. И уже владелец номера, наверное, десять раз сменился. Я никогда не набирал этот номер, но хотелось. Мне кажется, что этот номер написан для меня. Когда я окончательно устану и мне все опостылет, я позвоню по этому номеру Богу. У меня будет много вопросов, а у него ко мне еще больше, но пока делать звонок еще рано, для меня заготовлено много сюрпризов и испытаний и еще есть желание дойти до конца, просто из праздного любопытства посмотреть, чем всё кончится...

Справа по пути следования к улице Пирогова примыкает тоже небольшая улица – Ушинского. Чуть дальше на этой улице расположена моя первая школа, в которой я проучился почти 6 лет и так люто ее ненавижу! Когда-то здесь на газонах росли огромные полувековые тополя, и четырёхэтажки улицы Ушинского просто терялись среди этих исполинов. Но в 99-м году тополя спилили и посадили безобидные ря-

бины, березки, кусты барбариса и сирени. Сейчас они уже сильно выросли, но возвышаться над крышами домов им так и не будет суждено.

Я прохожу около детской поликлиники. Ох, и частым гостем был я здесь когда-то! Нелюбимая школа давала свои плоды, и я был на больничном половину из учебного времени, хотя и не симулировал, а был действительно очень слаб здоровьем, и любой сквозняк немедленно отправлял меня на лечение то горла, то кашля. Во времена моего детства дом, в котором располагалась поликлиника, был покрашен в зеленый цвет и как-то нелепо выделялся среди остальных домов рыжего кирпичного цвета. Сейчас он покрашен в тон остальным зданиям и уже не бросается в глаза. Много надписей было удалено с его стен, но такова селяви.

Далее, через пару домов, улицу Пирогова пересекает крупная улица Строителей, на перекрестке даже стоят светофоры. Зато после улица становится совсем узкой. Настолько, что две легковушки расходятся с трудом. Газонов с деревьями почти нет, с правой стороны – невзрачные дома, а с левой – какие-то конторки, склады, непонятные офисы, огороженные производственные территории, охраняемые собаками. Далее улица просто теряется в рядах гаражей.

Пекарня располагается в здании на пересечении улиц Пирогова и Строителей. Переходить Строителей не надо, можно просто перейти на другую сторону самой тихой в нашем городе и, наверное, во всем мире улицы Пирогова.

* * *

Может быть, прошла пара дней, и я снова выхожу прогуляться по своей улочке. Опять иду в сторону пекарни, но хлеба мне не надо. Раньше, когда у меня была семья, жена и двое детей, я ходил за хлебом почти каждый день, а сейчас мне одному так много уже и не надо. Я сразу перехожу на противоположную сторону улицы Пирогова и иду мимо техникумовского общежития и коррекционной школы для слаборазвитых детей. Когда-то, когда я учился в другой школе неподалеку, учителя постоянно пугали нас этой школой и даже двух моих одноклассников во втором классе туда перевели, но они были, конечно, дебилы еще те. А сама эта школа считалась в городе местом-заповедником у этих дебилов. В детстве у нас несколько раз происходили стычки с учениками из этого заведения, ну не любили мы здесь даже гулять рядом. Иногда мои одноклассники обзывали через ограду учеников этой школы, а те отвечали соответственно, за словом в карман не лезли.

Судьба жестоко надо мной посмеялась: мой младший сын оказался аутистом, который наотрез отказался разговаривать и соответственно после специального детского сада был приписан к этой школе и под присмотром посещал занятия. Самое интересное, что местных детей он нисколько не раздражал, как остальных. Скажем, когда мы гуляли где-нибудь на детской площадке, все с ним здоровались, спрашивали

как дела, хотя и знали, что он ничего не ответит. Зато он научился кивать головой и пожимать протянутую ему руку.

У меня подкатил ком к горлу, а на глаза навернулись слёзы. Я свернул с улицы и зашёл через приоткрытые ворота на территорию школы. У детей сейчас были каникулы, ведь на дворе конец июля, поэтому школа выглядела заброшенной. Я пошёл по асфальтовой дорожке вглубь весьма большого школьного участка. За школой, невидимый с улицы, располагался небольшой стадион – просто бетонная дорожка для бега, а посередине – подобие небольшого футбольного поля. И если на стадионе траву еще как-то скашивали, то вся остальная территория была сильно заросшей и запущенной. Я обратил внимание, что вырубил кустарник, росший вдоль ограды и спилили большой старый тополь. Ветки вывезли, а ошкуренные бревна тополя трогать не стали, они так и лежали. Несколько штук, напиленных на разную длину, наверное, оставили для собственных нужд. Древесина была белая и плотная.

Я почувствовал волнение! Это уже была не тоска по ребенку и тем счастливым временам, которыми меня всё же успела побаловать жизнь. Это было хорошо знакомое чувство, что за мной пристально наблюдают. Я стал озираться по сторонам, ища источник, но тут же почувствовал, что он как бы удаляется, причем очень быстро по улице Пирогова к перекрестку с улицей Строителей. Мне надо убедиться, что выработанное за годы интуитивное чутье побеспокоило ме-

ня обосновано. Я почти выбегаю с территории школы и озираюсь по сторонам. Улица пустынна. Вечером в будние и выходные дни здесь вообще сложно встретить обычного прохожего, а летом так улица и совсем вымирает. Объект уже пересек перекресток! Эта мысль подгоняет меня, и я бегу к улице Строителей. Светофор. Конечно. Ждать полминуты. «Плакающие зелёные человечки» и я пересекаю улицу. Я потерял связь. Я не чувствую! Что это было? Показалось? Просто иду быстрым шагом, скоро начнутся гаражи, и улица кончится. Хаотично ищу подсказку, смотрю во все стороны, и вверх, и вниз. Вот надпись на стене. Маленькими буквами процарапано «УМРИ». Понятно. Чутьё снова возвращается, я понимаю, где объект моей тревоги, и будто в подтверждение моих догадок далеко за бетонным забором начинает лаять собака. Я прохожу по инерции еще полдома и вижу еще одну надпись: «МЫ ЗДЕСЬ», останавливаюсь, понимаю, что сейчас я просто бессилён – страх, азарт, ярость переполняют меня. Я разворачиваюсь и быстрым шагом, постоянно оглядываясь, спешу домой.

* * *

Мне не удалось попить чай из-за охватившего меня волнения. Переложив с кухонного стола остатки грязной посуды в раковину и тщательно вытерев скатерть, я положил на него прямоугольный кусок ДВП и пошёл в темнушку, где у меня хранились инструменты за бруском и кинжалом. Эти-

ми двумя предметами я не ограничился и полез с лестницы-стремянки на антресоли, откуда достал большую картонную коробку, а из нее – стопку рукописей. Всё это я отнес на кухню и приступил к уже давно знакомому обряду: я расположил перед собой точильный брусок размером с кирпич, идеально ровный, достал из плотных ножен кинжал – единственное оружие, которое досталось мне от Валентина Михайловича, а всё остальное место на ДВП заняли открытые рукописи. Что надо делать я уже давно знаю наизусть, просто не хочется ошибиться со звуком при повторении заговора-мантры и получить недостоверные результаты. Кинжал иссиня-чёрного цвета, трехгранный, очень древний и искусно сделанный. Со временем, конечно, на нем появились зазубрины, бережно заточенные владельцами, и прочие следы боевого использования, но он всегда внушал мне благоговение и гордость за то, что я стал очередным обладателем этого бесценного артефакта. Я нараспев, подобно молитве, читаю непонятные, но до боли знакомые мне слоги, изредка подглядывая в разложенные чуть поодаль листы и аккуратными круговыми движениями точу кинжал на бруске. Лезвие и так очень острое, но ритуал есть ритуал. Проходит немного времени, может, минута, может, и десять. Между кромкой кинжала и поверхностью бруска начинают проскакивать маленькие искорки, как будто от трения, но я-то знаю, что оно тут ни при чем, просто уже начинает действовать то, для чего я всё это и делаю. Закрепив достигнутое еще минутой, я

делаю пятисекундную паузу и прикладываю большой палец к лезвию, проверяя остроту кинжала. Лезвие колет меня за палец как пчела, я инстинктивно отдёргиваю руку и смотрю на подушечку пальца. На нём будто нехотя появляется большая капля бордовой крови. Я ничего не делаю, просто наблюдаю за процессом. Капля становится очень крупной и уже не может держаться на пальце, она срывается и с весьма внушительным шлепком приземляется на поверхность ДВП. «Раз», – говорю я. Далее еще за полминуты с пальца капаят две капли поменьше, а на месте ранки остается тёмный сухой мазок. «Трое в этот раз», – думаю я. Это много или мало? Один раз было пятеро. Тяжело мне тогда пришлось. Еле выжил, потом еще полночи прибирался, и какой-то сердобольный бомж мне помог тогда, я был сильно ранен. Два раза было по четыре. Там тоже была еще та песня, хотя... один раз был вообще один, но какой! Мы бились с ним прямо в реке Абушке, стоя по колена в воде. Он сражался заточенной арматурой, мастерски ей владел, задел меня несколько раз, крови я тогда потерял!.. А в конце мне просто повезло, просто случай помог. Ну или Бог. Спасибо! Не устану благодарить. И с тех пор я стал очень тщательно обходить улицу Пирогова и собирать всё, что может быть в дальнейшем использовано против меня как оружие – кирпичи, железки, ветки. Трое в этот раз. Ну, что ж, трое было много раз, наверное, чаще всех остальных. Я прибираю на свои места все предметы, надо заготовить лечебное зелье и убедиться в том,

что я еще в достойной физической форме.

* * *

Я надеваю удобную для тренировки одежду – сильно заношенную майку и трико, обрезанное посередине голени. Начинаю с движений рук. Сначала медленно. Тело как бы противится, оно очень инертно и не успевает за теми командами, которые посылает ему мозг. Но дело тут не столько в физических возможностях, которые всегда будут ограничены нашими несовершенными костями, мышцами, связками, а сколько в пробуждении внутренней энергии, которая должна наполнить меня как сосуд и напитать силой. Я вспоминаю свои первые тренировки в детстве. Какие-то приемы и упражнения показал мне отец. Я их все отработал и прекрасно помню до сих пор, какие-то запомнил на секции дзю-до, потом около года я прозанимался самбо и рукопашным боем, с 15 лет стал адептом восточных единоборств. Я никогда не участвовал в соревнованиях, занимался всегда просто для себя, но спарринги любил, и все удары и защитные блоки много раз отработывал на практике. Я чувствую, как по телу начинает разливаться жар, мои движения становятся более сильными и резкими, кончики пальцев покалывает.

Постепенно всё начинает получаться, и помимо внутренней энергии я чувствую какой-то прилив ее извне. Мои руки движутся все быстрее и быстрее, я их уже не вижу, иногда перебивается дыхание, но это нормально, минутный отдых,

и я перехожу на ноги.

Отдельное место в тренировках занимает гимнастика. Я кувыркаюсь вперёд, назад, вбок. Кувыркаюсь назад и встаю сразу на ноги, падаю, перекатываюсь, дерусь и защищаюсь лёжа, быстро встаю, как можно выше прыгаю, снова падаю. Соседи снизу долбят чем-то железным по трубе. Я извиняюсь, увлёкся! Успокаиваю дыхание и перехожу к растяжке. Мышцы уже разогреты, я начинаю с простых упражнений и скрупулезно по минуте-две тяну мышцы ног и спину. Я не сразу сажусь на шпагат, сперва подкладываю подушки от дивана и сижу на них минут по пять в 20 сантиметров от шпагата. Но постепенно мне всё удается. Правая нога вперед – хороший уверенный шпагат, еще лягу на ногу, полежу минут пять. Левая нога вперед – тяжело, больно, всё тянет. Вот уже шпагат, слёзы из глаз, двадцать, тридцать секунд... Еле-еле выдерживаю минуту. Поперечный шпагат. Здесь дела обстоят похуже: сантиметров десять не хватает, тяну, пока мозг не начинает кипеть от боли. Отрабатываю удары ногами, после такого насилия над собой ноги двигаются на загляденье высоко! Иду в другую комнату, хватаю гантели, они у меня разборные с блинами на пять и два с половиной килограмма, вес можно регулировать от двадцати одного до шести килограммов, обычно у меня стоят по шестнадцать. Гантелями я делаю до отказа и в течение двух часов просто выматываю себя до полного изнеможения. У меня есть самодельная макивара – просто бревно, обмотанное веревкой для набив-

ки рук и ног. Моя тренировка заканчивается глухими ударами по ней, и с красными руками и ногами, со стёртой почти до крови кожей, абсолютно обессиленный я иду принимать душ, а потом проваливаюсь, словно в подземный поток, в глухой мёртвый сон.

* * *

Вечер следующего дня, вернувшись с работы, сразу посвящаю изготовлению лекарственной смеси. В этом есть определенная необходимость, ведь если их кровь попадет в мою рану, то жди беды. Это тоже определенный ритуал. Я опять достаю и раскладываю рукописи, но к ним сейчас добавляется еще и амулет. Это третья и последняя вещь, которая досталась мне от прошлого хранителя – моего бывшего соседа по лестничной площадке Валентина Михайловича. «Амулет – это наше всё», – не уставал он мне повторять в своё время. Его даже трудно описать: размером он чуть больше моей половины ладони, сделан из белого яркого металла, мне кажется, что из серебра, но оно почему-то со временем не темнеет, что обычно свойственно серебряным предметам. Можно считать его похожим на овал толщиной от сантиметра до двух, в том-то и дело, что он неровный. Он состоит как бы из сплетенных меж собой рун. Попробую описать на пластилине. Если представить, что руны – это те же буквы и наделать с пластилина соломок толщиной миллиметров пять, а потом из этих соломок сделать буквы S, B, W, Q и как бы положить эти буквы одна на другую и слегка придавить, то получится

что-то похожее, но не совсем. Некоторые большие руны, которые лежали в плоскости, взаимодействуя с рунами выше и ниже, как-то перетекли друг в друга и образовали еще какие-то дополнительные рунные структуры меньших размеров. Мне кажется, что амулет как будто живой. Если основные руны, из которых он сформирован, не меняются, то более мелкие со временем подвергаются каким-то трансформациям, и одни исчезают, а другие появляются. Основные руны амулета мне знакомы, они носят, как и сам амулет, защитный характер, по меняющимся я ничего сказать не могу, но они точно что-то означают и, главное, в середине амулета, в сплетении рун – камень. С человеческий глаз размером и глаз напоминает. Белый, то глянцевоый, то матовый, а посередине кружок, как зрачок, изумрудно-зелёный, с какими-то чёрными вкраплениями. Я не разбираюсь в ювелирном деле, но амулет и камень в нём мне кажутся очень искусно сделанными да и просто красивыми. В своё время на заказ мне для амулета изготовили толстую, прочную серебряную цепь, и на ней я его и ношу. Но ношу только тогда, когда это необходимо. Это не простое украшение, а имеющий мощную силу артефакт и попадать под его влияние опасно, он может как давать силу и энергию, так и забирать.

Я сделал на столе воображаемый равнобедренный треугольник, в верхнюю вершину расположил амулет, в вершины у основания – круглые картонки, похожие на те, что в пабах подкладывают под кружки пива. На картонках тоже на-

рисованы руны. Немного напоминает пирамиду с глазом на долларовых купюрах. Эх, видно, давно сильные мира сего в курсе подобных дел! Посередине треугольника у меня площадка с пестиком, в котором я толку необходимые ингредиенты, ну и, естественно, читаю определенный заговор. В рукописи уже не подсматриваю, хорошо помню наизусть, единственное... Я придумал небольшую хитрость, чтобы не мучиться долго в площадке: я перемалываю необходимые корни и прочие твёрдые составляющие в кофемолке, а в площадке уже так, халтурю, больше для ритуала, но вроде ничего, работает. Всё на мне заживает как на собаке, и даже шрамы от ужасных рваных ран становятся со временем ровными, толщиной с нитку, телесного цвета морщинками.

* * *

День «Ч» – по аналогии с понятием «Время «Ч»», которому учили нас на уроках тактики на военной кафедре, я выбрал на субботу. Получается, что обнаружил я своих «дорогих гостей» в воскресенье, из предыдущих наблюдений я сделал вывод, что они почему-то не прибывают одновременно более двух, а раз капли крови показали мне на три, то все трое здесь появятся дня за два, за три. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы они пробыли у нас более десяти дней, им становится тесно в пределах улицы Пирогова, из которой они не могут вырваться, и это провоцирует природные и техногенные катаклизмы. Один раз так было не по моей вине, мне не хочется об этом вспоминать. Как и всяко-

му военному, для меня очень неприятны жертвы среди мирного населения. Всегда хочется верить, что и в этот раз я справлюсь, и тут даже не так страшит собственная смерть, как то, что может начать происходить здесь потом.

Я спокойно хожу на работу. Там я молчалив и замкнут, нагружил себя делами, чтобы всё время быть занятым и не сидеть в минуты отдыха с глазами, уставленными в одну точку. Коллеги меня не трогают, после расставания с женой, эпопеей с судами и разводом в одностороннем порядке они тактично стали давать мне личное пространство для самокопания. Потом время моего затворничества всё равно проходило, и я весело общался, травил анекдоты, необидно подшучивал над ребятами из коллектива.

Каждый раз, когда я шел от автобусной остановки с работы домой, приближаясь к улице Пирогова, я чувствовал смутную нарастающую тревогу. Мне уже начинало становиться беспокойно. После моей зверской тренировки мышцы нещадно болели, но к субботе они должны были отойти. Я всё равно каждый вечер тренировался, больше делая упор на долгой разминке, упражнениях с собственным весом и отработке ударов. Хотелось закончить всё побыстрее, но так как исход поединка всё равно был непредсказуем, то хотелось и пожить подольше. В среду я не пошел от остановки домой, а свернул в сквер. Сквозь листву деревьев пробивались солнечные лучи, было свежо и прохладно. Я сел на лавочку, вспомнил, как любил гулять здесь с женой и детьми,

попробовал услышать пение птиц, но птицы уже не пели. Закрыл глаза и задремал. Дома мне уже почти не спится, мучают кошмары, я по несколько раз за ночь встаю, проверяю квартиру и потом не могу уснуть. Враг где-то рядом, а вот эта лавочка в сквере – место для него недосыгаемое. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! Не помню, кто сказал.

Четверг

В четверг я уже пошел от остановки напрямик домой. Можно даже сказать, что торопился. Этот вечер я решил посвятить проверке своего оружия и экипировки и потренироваться уже с ним. Лезу со стремянки наверх шкафа-купе, там есть незаделанная ниша между гипсокартонным потолком и обычным. Там тайник. Я извлекаю длинный тяжелый свёрток, он слегка запылится, иду в ванну, смываю пыль, протираю свёрток. Он самодельный, с крышкой вроде тубуса, только более плоский. Я убираю верхнюю крышку, потом нижнюю и вот передо мной моя гордость – настоящий, длиной метр с небольшим меч в ножнах! С детства я мечтал о мече. Когда-то, когда мне было, может, лет пять, отец выстрогал мне прекрасный деревянный меч, настоящее произведение искусства. Он был большой, лезвие было четырёхгранным, резная рукоять, гарда с кругляшками, навершие с вырезанным солнышком. Богатырский меч! Я сначала даже поднять его не мог. Но потом всё смог. А после того, как мы облепи-

ли лезвие фольгой, он стал совсем как настоящий. Я гордо ходил с ним по двору дедушкиного дома в деревне, и меня уже не пугали ни гуси, ни бодающиеся бараны, ни даже особенно бойкий боевой петух. Какой был меч! Мечта любого мальчишки. Потом он у меня потерялся. Я даже не помню обстоятельств пропажи. Может, его украли у меня? Я искал, переживал, даже попросил отца сделать мне похожий, но он отказался. Я потом уже сам делал себе мечи, но, увы, такой красоты и такой похожести мне было не добиться. Жаль, что своим детям я даже не попытался сделать подобный меч. Но оценили бы? Всё-таки мы представители уже очень разных эпох.

Когда я понял, что сражаться с демонами при помощи одного кинжала затруднительно, особенно когда их больше двух, я, не раздумывая, склонился в сторону меча. Всякие там японские катаны и сабли сразу отверг, ведь мне нужен был двусторонний клинок с лезвием около метра, которым можно как рубить в обе стороны, так и колоть. Ну а внешний вид и эскиз рукоятки и гарды я, не задумываясь, взял с того отцовского меча из детства, даже навершие с солнышком. Ох, и поморочил же мне голову тогда кузнец Степаныч, который его делал! Нет, ножи он давно делал на заказ, но тут оказалось другое дело. Я сперва ему сказал, что участвую в неких исторических реконструкциях и, вроде как нужен настоящий русский меч. Потом сказал, что меч должен спокойно рубить гвозди, чтобы зазубрин не оставалось, по-

сле сказал, что, возможно, я им буду сражаться с другими мечниками... Эпопея по изготовлению заняла восемь месяцев и стоила мне много денег и нервов. Степаныч проводил дикие эксперименты, подбирая нужную сталь, читая соответствующую литературу, перенимая опыт других кузнецов. Ковал-перековывал, проверял на твёрдость и излом, расплавлял, закалял, отпускал-переплавлял. Он увлёкся, его охватил профессиональный азарт. Столько души вложил он в это изделие, что в конце я не выдержал и признался ему, для каких целей будет использоваться меч. Степаныч тогда, помню, посмотрел на меня с укоризной и сказал: «Я приблизительно так и думал. Что я тут так выделяюсь? Ради пустых игрулек что ли?» Далее был процесс подгонки рукоятки по руке. Я сразу отнёс модные двуручные мечи и хотел, чтобы рука чётко лежала между гардой и навершием, но так сделать не получилось, исходя из вопросов балансировки. Так как лезвие получилось довольно широким, сантиметров семь у основания, и даже несмотря на наличие дола – желоба посередине лезвия (я раньше считал, что это для кровостока, но Степаныч высмеял меня, сказав, что если таким мечом ударить, то крови, и так море будет, а дол нужен для облегчения веса), клинок оказался весьма увесистым. Пришлось ему слегка удлинить рукоять и сделать навершие чуть больше и тяжелее того, что я планировал на эскизе. Но в целом этот меч стал произведением искусства и предметом моей гордости. Перенестись бы с этим мечом в детство да пока-

зять мне, мальцу, тоскующему по утрате деревянного меча, вот этот. Эх, не было бы счастья, да несчастье помогло!

В своё время Валентин Михалыч мне сказал, что своего оружия, кроме ритуального кинжала, который передается как бы по наследству, он мне передать не может, оно должно быть у меня свое, сделанное мной или при моём участии. После надо на оружие нанести специальные руны и провести целый обряд, чтобы сделать его ритуальным и опасным для демонов, а, главное, как я это уже потом понял сам, чтобы они не могли использовать это оружие против меня самого.

После того, как меч был готов, я отнёс его к гравёру, и он нанес руны с моего рисунка на все четыре грани около гарды. Далее – ритуал с кругом огня, я с мечом в этом круге, мантры-заговоры, поливание лезвия моей кровью. Всё как в рукописях описано. Сделал очень ответственно. Когда я пришел через пару лет к Степанычу и заказал себе еще и боевой нож, он даже слова не проронил, только усмехнулся, сказал сроки, когда забрать и сумму к оплате. Потом та же ритуальная канитель и с ножом, ну, а куда деваться!

Жена тогда у меня, помню, возмущалась сильно, меч хорошо по деньгам вышел. А еще Валентин Михалыч говорил, что я должен каждому своему оружию придумать имя, чтобы как бы одушевить его что ли. Мечи известных воинов-рыцарей имели свои названия, Эскалибур, например. Но вот этого у меня, каюсь, не получилось. Вот хоть убейте! Знаю, что музыканты свои гитары называют женскими именами, кто-

то автомобили, но я так не могу почему-то одушевлять предметы. Так и зову своё оружие: Меч, Нож и Кинжал.

Я бережно положил в комнате на ковровое покрытие меч, нож и кинжал. Пока всё оружие в ножнах. В темнушке, повыше к потолку, на мощном крюке на железной вешалке висит кольчуга. Я снимаю ее и тоже несу в комнату к оружию. Степаныч делать мне кольчугу отказался, и ее сделал другой мой знакомый, специализирующийся на заказах для разного рода ролевиков-толкиенистов. Он, понятное дело, очень удивился, когда, посмотрев на конечный результат, я попросил его еще и проковать каждое кольцо. Он и так на заказ приобрел для этой кольчуги специальную проволоку из очень прочной стали, но, скрипя зубами, сделал. Итоговая цена изделия возросла в два раза. Жена уже просто тяжело вздохнула и ничего не сказала...

Я принёс наголенники и наручи. Это мне делали какие-то ребята, которых я нашёл их в интернете. Качественная работа: сталь, толстая бычья кожа, ремни, застёжки. Я же им только размеры послал, правда, подробные. Вместе с женой обмеряли длину и обхват моих рук и ног её портняжим метром, тогда она уже как-то смирилась с моими тратами или понимала, что это поможет мне сохранить здоровье или даже спасти жизнь. Под кольчугой я ношу прочный кожаный жилет, в таком обычно ездят мотоциклисты. В нем пришлось отверстий наделать, чтобы не так жарко было, и он имеет что-то вроде дополнительных «рёбер жёсткости». Они вши-

ты внутри, алюминий или пластик – не знаю. Колени я защищаю обычными наколенниками из спортивного магазина.

Есть еще два предмета совсем новых и в бою не опробованных. Это бронежилет и небольшой щит. Бронежилет я еще не закончил, там надо гнуть металлические пластины на специальных вальцах и подгонять по моему телу, надо день выбрать и съездить куда-нибудь в мастерскую, которая с металлом работает да и сделать, а вот щит я забрал у Степаныча недели три назад, и он полностью готов.

Разминаю суставы, разогреваю плечи и кисти рук, освобождаю от ножен нож и кинжал и начинаю с них. Если честно, то кинжал в бою непрактичен. У него длинное тонкое лезвие и маленькая даже для моей небольшой ладони рукоять с аккуратным овальным навершием. Держать его неудобно, режущих ударов особо не нанесёшь, только колющие. Но кинжалы и предназначались для того, чтобы их прятать и производить удары скрытно и в уязвимые части тела – шею, сердце, может, лёгкие, печень. Я прижимаю кинжал к руке, он как раз длиной с моё предплечье, представляю себе, будто прячу его в рукаве, а потом резко, подобно броску змеи, выбрасываю вперёд руку и как бы выстреливаю кинжалом, давя на навершие ладонью. Повторяю много раз, стараюсь быстрее и быстрее, чтобы даже не успеть об этом подумать, а уже «выстрелить». Проходит время, мне становится скучно, но тело всё равно отрабатывает необходимое движение. Я смотрю по сторонам, на пол, сосредотачиваюсь на щите.

И тут в голову приходит идея. Я кладу кинжал во внутреннюю часть щита, рукояткой вниз и мне это кажется прекрасным решением. Немного работы с армированным скотчем и вот результат! Я надеваю на левую руку щит и делаю движения уже с ним – уворачиваюсь, защищаюсь, наношу ребром щита удары и время от времени незаметно для противника подношу правую руку к щиту, резким движением руки вниз выхватываю из ножен кинжал и змеиным выпадом делаю им укол вперёд. Я в восторге! Это свежее изобретение в моей манере боя.

Проходит, наверное, два-три часа времени, прежде чем меня удовлетворяют результаты. Кинжал так и остаётся теперь в щите. Он там хоть и располагается вниз рукоятью, но он не выпадет. Ножны довольно плотные. Я берусь за нож. Тут у меня уже выбора движений больше, я отрабатываю различные хватки рукояти, рубящие и колющие удары, перебрасываю нож из одной руки в другую, имитирую удар одной рукой, как бы роняю нож, резко ловлю другой и провожу атаку под другим углом. Движения так же со временем ускоряются и становятся слишком замысловатыми. За окном уже темнеет, когда я перехожу к мечу. Мой красавец! Я медленно вращаю его в руке, отрабатываю удары, перебрасываю из руки в руку, но всё очень медленно. У меня небольшие комнаты и махать в них «со всей дури» мощным смертоносным оружием – верх глупости. Но с мечом мне тоже необходимо позаниматься. Я собираюсь пойти и потренироваться на ули-

цу в два часа ночи. В соседнем дворе есть уютная полянка, окруженная кустами сирени, метров шесть диаметром, может, больше, мне этого хватит.

* * *

Уже, наверное, первый час ночи. Я стою в тёмной кухне в полном облачении и смотрю в окно. Моя квартира имеет три окна, на кухне и в двух комнатах напротив друг друга. Одно окно с балконом выходит непосредственно на улицу Пирогова и два других, в кухне и комнате выходят во двор. В голову лезут разные мысли из разряда того, а чтобы было, если бы тогда я поступил не так, а как-то иначе. Наверное, всё было бы по-другому. Может, я бы жил жизнью простого обывателя, имея безобидное хобби вроде шахмат или рыбалки, выпивал бы, как большинство мужиков по пятницам, больше времени уделял бы семье. У жены бы не развилась онкология, младший сын начал бы разговаривать, вот мы с ним тогда так бы здорово общались! Он рассказал бы о том, что ему нравится, а что нет, куда бы он хотел съездить, какую книжку полистать, какой фильм посмотреть. Всё могло быть совсем иначе, но вышло так, как вышло. То ли это из-за череды ошибок и неправильных действий, то ли это преднамеренный ход событий, на который невозможно повлиять. Пустые мысли, только в плане анализа. Настоящее уже не исправить, но в нём надо как-то жить.

Я не просто стою в темноте и думаю, смотря в окно. Мои руки крутят нож и кинжал, уже даже не понятно как, сами по

себе. На мне перчатки, которые я обычно использую в бою, типа тех в которых дерутся бойцы по смешанным единоборствам, с открытой ладонью и пальцами. Перчатки должны не только защищать кулаки, но и сокрушать противника, поэтому к ним прикреплены стальные пластины с наваренными бугорками металла. Такие перчатки – кастеты. Обычного человека ударить рукой в такой перчатке – убить сразу, но моим противникам это так, лёгкая пощёчина.

Уже прошло, наверное, полчаса, как погасло последнее окно в одном из двух домов напротив. Подхожу к окну, вглядываюсь в пустой тёмный двор. А если они меня уже ждут там? Они же чувствуют меня так же, как и я их! Может, они стоят сейчас у моего подъезда или еще чего хуже спрятались и готовы внезапно наброситься, как только я выйду? Не по себе от таких мыслей! Прислушиваюсь к своим ощущениям. Их трое, если они еще и вместе, то я должен их отлично чувствовать, если они от меня на расстоянии ближе двухсот метров, то я даже могу определить точно, где они и узнать их издали среди остальных прохожих. Хотя представлять их, гуляющими в потоке простых людей, как-то жутковато. Гляжу на часы на микроволновке: 1:52. Пора! Надеваю поверх кольчуги амулет, пристёгиваю к ремешкам на портупее ножны с мечом, вставляю нож в ножны на спине под правую руку, чтобы выхватывать клинок как бы из-за бока, кинжал – в щит, а щит надеваю на спину. Всё это великолепие скрываю чёрным, но не сильно длинным плащом, обувая бер-

цы, которые так же как и перчатки усилены металлическими пластинам на носке и пятке, и крадучись, подобно ниндзя или средневековому азиатскому ассасину, выхожу в подъезд и спускаюсь в бескрайнюю, беспросветную ночь.

ПРГНЦА

В этот день я был на работе самым милым, общительным человеком: всем ребятам в коллективе наговорил кучу комплиментов, похвалил их деловые и человеческие качества, рассказал несколько анекдотов, без фанатизма подискутировал о политической ситуации в стране и в мире, всем, чем смог, помог и что знал – подсказал. Хотелось, чтобы меня запомнили добрым, жизнерадостным человеком, а не мрачным изгоем, которым я был последние несколько дней. Как бы случайно я рассказывал и демонстрировал в каком ящике рабочего стола, какие запчасти от каких станков у меня хранятся, заострил внимание на папках с технической документацией и, главное, с моими рабочими пометками в ней. Показал, где какие документы находятся на компьютере, купил в буфете несколько сортов замысловатых кондитерских изделий, положив пакет с вкусняшками на стол в бытовой комнате, предложил всем угощаться, а в конце совсем расстрогался, сказав, что всех люблю. Действительно, с друзьями из детства, студенчества, армии, я вижу сейчас крайне редко, они уже не в курсе моих проблем, а я их, а коллеги по

работе стали сейчас самыми близкими людьми, болезнь моей жены, распад семьи и прочие мои неурядицы – всё происходило у них на глазах. Они меня поддерживали и советом, и отвлекали, и выслушивали. Когда мы уже вышли через заводскую проходную, один из моих коллег-старожилов, Ваня, предложил поехать к нему попить пивка, покушать рыбки да поговорить за жизнь. Он, как и я, разведен, но воспитывает в одиночку сына, а у меня-то жена детей обоих в Москву забрала, сперва младшего, а после окончания 9-го класса и старшего. Ваня очень по-житейски мудр. Я отшутился от предложения, хотя, мне кажется, что всё он давно знает и мои странные смены настроения ему как открытая книга.

– Ну, что, Воин Света. Удачи тебе!

– Спасибо, Вань! Я очень постараюсь.

Мы пожали друг другу руки и зашагали каждый к своей остановке.

Выйдя из автобуса, я зашел в парикмахерскую, что располагалась по дороге домой. Там шутил и развлекал разговорами уставшую от быта и кредитной кабалы барышню, которая лихо снимала мне волосы машинкой, оставляя такую длину, чтобы нельзя было ухватиться пальцами.

* * *

Я принял ванну и побрился. Стоя в трусах, посмотрел на себя в зеркало в коридоре. Только у русских есть такое выражение: красив, хоть в гроб клади. Сейчас я ему полностью соответствую. Выгляжу я значительно моложе своих сорока

с хвостиком лет, на тридцать максимум. Не знаю, с чем связано, думал, наследственность такая, но мой родной брат в тридцать выглядит на все сорок. Когда идем с ним вместе, все думают, что он старше меня. Из-за того, что я хранитель амулета и «воин света», как Ванька выразился? Да тоже нет, амулет это не кольцо Всевластия, Валентин Михайлович на свои семьдесят шесть и выглядел, силы и ловкости у него, правда, столько было, что молодые бы позавидовали. Кстати, он был меньше меня ростом, а я где-то 175. Когда я интенсивно тренируюсь, мой вес порядка 76 килограммов, когда отдыхаю, то могу и набрать до 80. Тело у меня жилистое, мускулистое, покрытое шрамами, это, понятно, издержки деятельности.

Я остался доволен своим внешним видом – в гроб класть можно! Хотя... Эти твари меня могут так разорвать и изуродовать, что и мать родная не узнает. Будут хоронить в закрытом гробу. Мне становилось уже как-то не по себе от ненормально приподнятого настроения. Жить оставалось уже, возможно, меньше суток и как-то сам собой организм с идиотской непосредственностью радовался каждой мелочи, прям как в детстве. Я так устал от каждодневных тренировок, что сегодняшней вечер решил посвятить другим занятиям. Прибрал на кухне и стал разглядывать фотоальбомы.

Мои школьные годы, потом студенческие, немного армейских фото, вот мои семейные альбомы... Их я смотрю с особой теплотой. Моя жена Леночка! Она выглядит очень счаст-

ливой на этих фотографиях. Вот мой старший – Никитка. Сейчас уже меня по росту догоняет, в Москве в колледже учится. Я вспоминаю, как водил его в музыкальную школу по классу фортепьяно, 8 лет он прозанимался, до выпускного дотянул. На секцию каратэ я его тоже водил, он у меня парень небоевой оказался, сначала не любил, но года через три втянулся и сам уже бегал. Жилистый стал, рельефный, худой, правда, но были бы кости – мясо нарастёт. Мой младшенький – Сашенька. Родился аутистом, генетический сбой, как нам после долгих исследований сказали. Такой парень! Симпатичный, высокий. Я в 13 лет был такого роста, как он в 10! Добряк. Вот мы на Алтае на отдыхе, вот мы у родителей на даче, вот я обнимаю Лену, она улыбается, смеется, вот она что-то кушает, её неожиданно сфотографировали, смешно получилось...

Как-то незаметно моё хорошее настроение улетучивается, глаза становятся мокрыми от слёз. Я вспоминаю все яркие моменты моей уже канувшей в лету семейной жизни, убираю фотографии и иду в комнату с балконом, выходящим на улицу Пирогова. Эта сторона дома обращена точно на запад, перед балконом деревья с густой листвой, на противоположной стороне улицы – высокие тополя и здание техникумовского общежития. И всё это залито кровавым закатом. Завораживающее зрелище! Чарующее, аномальное! Может, уже начались катаклизмы? Все цвета и оттенки крови, её потоки и сгустки, она переливается и пульсирует. Глядя на эту

величественную картину, я опускаюсь на колени и начинаю молиться. Это не является обязательным ритуалом, можно это и не делать, но последние года два у меня как-то это повелось в последний вечер перед боем. Я не знаю других молитв кроме «Отче Наш», но её я помню наизусть. Я читаю ее три раза подряд, чувствую какое-то очищение и как бы настрой на нужную волну, на некий монолог с Богом, ведь сейчас только он мне помощник и по сути к кому ещё обратиться? Я прошу его помочь пережить завтрашний день, дать мне силы, храбрости и удачи, я искренне каюсь во всех своих грехах и проступках, прошу прощения у всех, кого когда-либо ударил, обидел или о ком плохо подумал. Это касается не только людей, но и животных, птиц и даже растений. Я одновременно нахожусь во всех периодах своей жизни – и в детстве, и в юности, и в зрелом возрасте. Вхожу в состояние какого-то транса, постепенно ощущаю свою душевно-энергетическую составляющую гораздо явственнее и сильнее, чем телесную. Чувствую запах свежескошенной травы, вкус парного молока, стук колёс поезда, жар и трепет девичьего тела под летним платьем. Это настолько реально, что я как бы еще раз переживаю все значимые для меня события. Снова вхожу в реку, которая давно утекла и пересохла. Мне хочется начать всё заново, выбрать другие варианты предложенных ответов, хочется... Внезапно волнительные грёзы меняются резким, жестоким и быстрым набором картинок: я рублю мечом, режу ножом, руки, ноги, головы, горы повержен-

ных врагов. Вот уже некуда ступить, везде кровь и мясо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.